

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

И. Д.

Ч А С Т Ъ Т Р Е Т І Я.

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

И. Д.

Ч А С Т Ъ Т Р Е Т І Я.

COLLIER

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

W. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

Wm. L. Collins

СОЧИНЕНІЯ

Івана Дмитріева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

1805.

RECEIVED

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

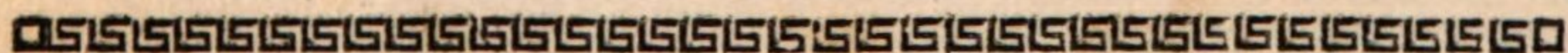

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

И. Д.

Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéri.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

МОСКВА,

Въ Типографіи Платона Бекетова.

1805.

Съ дозволенія Ценсурнаго Комитета, утреж-
деннаго для Округа Императорскаго Москов-
скаго Университета.

ПРОДОЛЖЕНІЕ БАСЕНЪ.

ПРОМОКШИЕ ЛАКОНЕ

Б А С Н И.

Мудрецъ и Поселянинъ.

Какъ я люблю моихъ героевъ воспѣвать!
Не знаю, могутъ ли они меня прославить:
Но мнѣ ихъ тяжело оставить.
Съ живошными я радъ всечасно лепетать,
И вѣкъ мой коротать;

Люблю ихъ общество! — согласенъ я, конечно,
Есть и у нихъ свой плутъ, сущяга и пролазъ,
И хуже этого; но я чистосердечно

Скажу вамъ между насъ:

Опаснѣй тварей всѣхъ словесную считаю,
И плутъ за плуша, я лису предпочитаю!
Такихъ же мыслей былъ покойникъ мой землякъ,
Не авторъ, ниже чтецъ, но очень не дуракъ,
Честнѣйшій человекъ, оракулъ всей округи;
Отецъ ли огорченъ, размолвятся ли супруги,
Торгашъ ли заведетъ съ товарищемъ разщотъ,
Сиротка ли своего лишается наслѣдства:
Всѣмъ нужна до его совѣшовъ, иль посредства;
Какъ важно иногда судилъ онъ у воротъ
На лавкѣ, окруженъ согласною семьею,
Дѣтьми и внуками, друзьями и роднею!
“Ты правъ! ты виноватъ!” бывало, скажетъ онъ,
И это въ приговоръ приемлемъ былъ въ законъ;
И ни одинъ не смѣлъ ни впрямь, ни стороною,
Скрыть правды предъ его почтенной сѣдиною.

Однажды, помню я, имѣлъ съ нимъ разговоръ
Прѣжжій — моралистъ, нашуры испытатель:
Скажи мнѣ, онъ спросилъ, какой тебя писатель
Наспавилъ мудрости? Какихъ монарховъ дворъ,
Открылъ передъ тобой всѣ тайнства правленья?
Зинона ли строгаго держался ты ученья,
Иль Пифагорова послѣдовалъ стопамъ?
У Эпикура ли быть счастливымъ учился,
Или божественнымъ Платономъ озарился? —
А я ихъ и не зналъ, ниже по именамъ!
Отвѣтствовалъ ему смиренно сельскій житель:
Природа мнѣ букварь, а сердце мой учитель.
Во елену населилъ животными Творецъ;
Въ наукѣ нравственной я ихъ бралъ въ образецъ:

У крошкихъ голубковъ я перенялъ быть нѣж-
нымъ ;

У муравья къ пруду прилѣжнымъ

И на зиму запасъ копить ;

Воломъ я наученъ терпѣнью ;

Овечкою смиренью ;

Собакой неусыпнымъ быть ;

А естлибѣ мы дѣшей невольно не любили :

То куры бы меня любить ихъ научили :

По мнѣ же такъ легко и всякаго любить !

Я зависти не знаю ;

Доволенъ тѣмъ, что есть — богатый пусть бо-
гатымъ ;

А бѣднаго всегда, какъ брата, обнимаю,

И съ нимъ дѣлиться радъ.

Спараюсь, наконецъ, разсудка быть подъ властью

И только, — вотъ и вся моя наука счастью !

Муха.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по п
ру-
дахъ,
А муха у него сидѣла на рогахъ,
И муху же они дорогой повстрѣчали.
Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ:
А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: откуда? мы пахали!
Отъ басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были:
Случалось ли подъ часъ вамъ слышать, гос-
пода?
“Мы сбили! Мы рѣшили!”

Лиса проповѣдница.

Разбитая параличомъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ,
И въ логикѣ своей изъ первыхъ мастерица:
Лисица,
Уединилася отъ свѣта и отъ зла,
И проповѣдывать въ пустыню перешла;
Тамъ крошкія свои бесѣды разтворяла
Хвалою воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суешѣ;
А братій и всего на проповѣдь собиралось
Пясть, шесть на перечотѣ,
А иногда случалось
И менѣе того, и по сурокѣ, да крошѣ,
Да двѣ, три набожныя лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ опорѣ;
Какой же ожидать отъ нихъ лисицѣ дани?
Но лисій дальновидѣнъ взоръ;
Она перемѣнила струны:
Взяла суровой видѣ, и бросила перуны
На кровожаждущихъ медвѣдей и волковъ,
На шигровъ, даже и на львовъ!
Чтожъ? слушателей тѣма стеклася!
И слава о ея вишійствѣ донеслася
До самага царя звѣрей,
Который не смотря, что въ немъ порода львина,
Былъ смирный, такъ сказать, дѣтина,
И набожный подѣ старость дней.

Послушаемъ лису, левъ молвилъ: что за диво!
 За словомъ въ слѣдъ указъ,
 И въ сущи, ежели не лживо
 Историкъ увѣряетъ насъ,
 Лиса привезена, и проповѣдь сказала;
 Какую жъ проповѣдь? изъ кожи лѣзла вонъ!
 Въ тирановъ громъ она бросала,
 И шутъ же стонъ
 И слезы извлекала,
 Представляя, какъ отъ нихъ
 Невинность унываетъ,
 И каждый день въ мученьяхъ злыхъ
 На небо лишъ взираетъ,
 Откуда праведный судья и царь царей
 Не скоро, но воздастъ гонителямъ и ей.
 Придворные оцѣпенѣли:
 Какъ можно при дворѣ такъ дерзко говорить!
 Другъ на друга глядятъ, но говорить не смѣли,
 Смекнувъ, что царь лису изволилъ похвалить;
 Какъ новость, иногда и правда намъ по нраву!
 Короче вамъ: лиса вошла и въ честь и славу;
 Царь левъ, давъ лапу ей, привѣтливо сказалъ:
 Тобой я истину позналъ,
 И болѣ прежняго гнушаться сталъ пороковъ;
 Чего жъ ты пребуешь во мзду твоихъ уроковъ?
 Скажи безъ всякаго зазрѣнья и стыда;
 Я твой должникъ.— Лиса глядь, глядь туда, сюда,
 Какъ будто совѣсти почувствуя улику: —
 Всещедрый царь — отецъ!
 Отвѣтствовала льву съ запинкой наконецъ:
 Индѣекъ . . . малую-толику.

Оселъ и Кабанъ.

Въ навозѣ вскормленный и вырѣвшій оселъ
Храбрился, что вражду съ кабаномъ онъ завелъ,
Съ которымъ и не лзя имѣть ему пріязни.

Что мнѣ кабанъ! Оселъ рычалъ:
Сей часъ готовъ съ нимъ въ бой безъ всякія
боязни! —
Мнѣ въ бой съ тобой? Кабанъ съ презрѣніемъ
сказалъ:

Нещастный! будь спокоинъ:
Ты славной смерти недостойнъ.

Слѣпецъ и Разслабленный.

И ты несчастливъ? . . . дай же руку!
 Начнемъ другъ другу помогать;
 Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передать;
 А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку —
 И легче будетъ намъ.
 Такъ говорилъ мудрецъ Востока,
 И вотъ его же припѣча вамъ:
 Два были нищіе, и оба властью рока
 Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ;
 Одинъ былъ слѣпъ,
 Другой разслабленный; желаютъ смерти оба;
 Но горемыки здѣсь, какъ дара ждуть и гроба:
 На помощь къ нимъ и смерть не идетъ!
 Разслабленный конца своимъ спраданьямъ ждетъ
 На голой мостовой, снося и жаръ и холодъ,
 Всего же чаще голодъ,
 И нечувствительность румяныхъ богачей.
 Слѣпецъ равно терпѣлъ, или еще и болѣ:
 Тотъ могъ, хотя вдали, въ день лѣпнѣй видѣть
 поле,
 А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей!
 Вся жизнь глубока ночь, и скоро ль разсвѣтаетъ,
 Увы! не знаетъ.
 Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
 Ласкаемъ и водимъ,
 И ту, какіе-то злодѣи не украли,
 А нагло отъ его веревки отвязали
 И увели съ собой.
 Слѣпецъ случайно очутился
 На томъ же мѣстѣ, гдѣ разслабленный помился;

Онъ слышитъ стонъ его, и самъ пускаетъ вздохъ;
Товарищъ! говоритъ, несчастныхъ сводитъ Богъ;
Намъ должно побрататься,

Имѣть одну суму

И вмѣстѣ горевать. — Не станемъ разлучаться!
Согласенъ, отвѣчалъ разслабленный ему:

Но, добрая душа! какою мы подмогой

Другъ другу можемъ быть? Ты слѣпъ, а я без-
ногой!

Что жъ будемъ дѣлать мы, я и еще скажу?

Какъ? подхватилъ слѣпецъ, ты зрячь, а я хожу:

Такъ ты ссужай меня глазами,

А я съ охотою ссужусь тебѣ ногами;

Ты за меня гляди, я за тебя пойду —

И будемъ каждый такъ служить въ свою чреду.

Отецъ съ Сыномъ.

Скажите, батюшка, какъ счастья добиться,
Сынъ спрашивалъ отца? А тотъ ему въ отвѣтъ:
Дороги лучшей нѣтъ,
Какъ тѣломъ и умомъ шрудиться,
Служа отечеству, согражданамъ своимъ:
И чаще быть съ перомъ и книгой,
Когда быть дѣльными хотимъ. —
Ахъ, это тяжело! какъ легче бы? — Интригой:
Впираешься жабой и ужомъ,
Къ тому, кто при дворѣ фортуной возне-
сется. —
А это низко! — Ну, такъ просто . . . быть
глупцомъ,
И эдакъ многимъ удается!

Полевой цвѣтокъ и Гвоздика.

Простой цвѣточикъ, дикой
Не знаю какъ попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоз-
дикой :
И что же? отъ нее душистымъ сталъ и самъ!
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

Донъ Кишотъ.

Надсѣвшись Донъ Кишотъ съ баранами сра-
жаться,

Рѣшился лучше ихъ пасти,
И жизнь невинную въ Аркадіи вести.
Проворнымъ долго ль снаряжаться?
Обломокъ дролика пошелъ за посошокъ,
Котомкой съ табакомъ мѣшокъ,

Фуфайка спальная пастушечьимъ камзоломъ,
А шляпу, въ знакъ его союза съ нѣжнымъ поломъ,
У ключницы своей соломенную взялъ

И лентой розоваго цвѣта

Подъ щоки подвязалъ

Узлами, на манеръ букета.

Спустилъ на волю кобеля,

Которой къ хлѣбному прикованъ былъ анбару;
Послалъ въ мясномъ ряду купить барановъ пару,
И стадо онъ свое разсыпалъ на поля

По первому морозу;

И началъ воспѣвать зимой весеннюю розу.

Но въ этомъ худа нѣтъ: веселому все въ ладъ,

И пусть играетъ всякъ любимую гремушкой;

А вошъ что не въ попадъ:

Идетъ коровница — почтя ее пастушкой,

Согнулъ нашъ пастушокъ колѣна передъ ней,

И размахнувъ руками

Пустился пѣть эклогу ей:

Аглая! говоришь, прелестная Аглая!

Предметъ и тайныхъ мукъ и радостей моихъ!

Всегда ли будешь ты, мой пламень презирая,

Лелѣяшь и любишь овечекъ лишь своихъ?

Послушай, милая! тамъ, позади кусточковъ,

На деревѣ гнѣздо нашелъ я голубочковъ:

Прими въ подарокъ ихъ отъ сердца моего;

Я радъ бы подарить любезную полсвѣтомъ:

Увы! мнѣ кромѣ ихъ Богъ не далъ ничего!

Они бѣлы, какъ снѣгъ, равны съ тобою цвѣтомъ,

Но сердце не твое у нихъ! —

Межъ тѣмъ, какъ толстая коровница Аглая,

Кудрявыхъ словъ такихъ

Сѣдаго пастушка совсѣмъ не понимая,

Стоитъ разинувъ ротъ и выпуча глаза:

Ревнивый мужъ ея подслушавъ Селадона,

Такого далъ ему туза ,
 Что онъ невольно лбомъ отвѣсилъ при поклоне,
 Однакожь головы и шутъ не потерялъ ;
 Пастухъ невѣжда ! онъ вскричалъ :
 Не смѣй ты нарушать закона !
 Начнемъ пастушій бой ;
 Пусть побѣдителя Аглая увѣнчаетъ ;
 Не бей меня, но пой !
 Мужъ грубый кулакомъ вторичнымъ отвѣчаетъ ;
 И нѣжный, вѣрный пастушокъ ,
 Смѣкнувъ, что это въявь увѣчье, не проказа ,
 Чрезъ поле рысакomъ во весь пусшился духъ ,
 И съ этой сталъ поры ни випязь, ни пастухъ,
 Но просто : дворянинъ безъ глаза.
 Ахъ ! часто и въ себѣ я это замѣчалъ ,
 Что глупости бѣжа, въ другую попадалъ.

Мальтикъ на столѣ.

Какъ я великъ! съ стола мальчишка всѣмъ
кричалъ.
А нянька говоритъ: сойди, такъ будешь малъ.
Кто въ этой баснѣ намъ изображенъ мальчиш-
кой?
Богачъ съ надменною и подлою душишкой.

Разбитая Скрыпка.

Скрыпица дюжинна упала и разбилась:
Скрыпачъ ее склеилъ,
И скрыпка изъ дурной... прекрасной очути-
тилась.
Тотъ вѣрно сталъ умнѣй, кто въ школѣ бѣд-
ствѣй былъ!

Человѣкъ и Конь.

Читатели! хопителъ знать,
 Какъ лошадь намъ покорна спала?
 Когда семья людей за лакомство щипала
 Коренья, жолуди жевать;
 Когда еще не такъ, какъ нынѣ,
 Не знали столько шоръ, каретъ и хомутовъ;
 На стойлахъ не было коней, ни лошаковъ,
 И вольно было жить, гдѣ хочешь, всей скопинѣ:
 Въ тѣ времена олень, поссорившись съ конемъ
 Пырнулъ его рогами;
 Конь былъ и самъ съ огнемъ,
 И могъ бы оплашить, да на бѣду ногами
 Не такъ проворенъ, какъ олень:
 Гоняся за нимъ напрасно, спалъ онъ въ пень.
 Что дѣлать? мщеніе отъ вѣка
 Пружина важная сердецъ:
 И конь прибѣгнулъ, наконецъ,
 Къ искусству человѣка.
 А тотъ былъ радъ служить: лошадку онъ
 Взнуздавъ,
 Вспрыгнулъ къ ней на спину, и столько рыси
 Далъ,
 Что лошадь впрямь и вкось безъ памяти ска-
 кала,
 Настигла своего врага, и зашоптала.
 Потомъ помощника она благодаритъ;
 Ты мой спаситель! говоритъ:
 Мнѣ это не забудь, пока жива я буду;
 А между тѣмъ . . . уже не въ мочь моей
 спинѣ;

Не лѣзя ль сойши съ меня? пора мнѣ въ степь
отсюду.

За чѣмъ же не ко мнѣ?

Сказалъ ей человѣкъ: въ степи какой ждаться
холи?

А у меня живи въ опрятствѣ и красѣ,

И по брюхо всегда въ овсѣ.

Увы! что сладкій кусъ, когда нѣтъ милой
воли!

Увидѣлъ бѣдный конь и самъ, что сглуповалъ,
Да поздно: подъ ярмомъ состарѣлся, и палъ.

Горестъ и Скука.

Вѣднѣвѣ, не бѣвши день, отъ глада

Лилъ слезы и вздыхалъ:

Богачъ отъ сытости скучалъ,

Зѣваючи средь сада.

Кому тяжелѣе? Чтobъ это разбѣшить,

Я долженъ мудреца здѣсь слово приложить:

Отъ скуки самое желанье ошлешаетъ,

А горести слезу надежда ошираетъ.

Пчела и Муха.

Здорово, душенька! — влѣтя въ окно пчела,

Такъ мухѣ говорила:

Скажешь ли вѣсточку? какой я сотѣ следила

Мой медъ прозрачнѣе стекла,

И какъ душистѣ! какъ сладокъ, вкусенъ! —

Повѣрю, муха ей отвѣтствуетъ, вашъ родъ

Природно въ томъ искусенъ;

А я хотѣла бѣ знать, каковъ-то будетъ плодъ,

Продлятся ли жары? — да что-то будетъ съ

медомъ! —

Ахъ! эшотъ медъ, да медъ твоимъ всегдашнимъ
бредомъ —
Да для того, что медъ ... Опять? нѣтъ силъ
терпѣть;

Какое малодушье!

Я, право, получу отъ словъ твоихъ удушье. —
Удушье? ничего! сѣбѣ меду, да воспользуюсь,
И все пройдетъ; мой медъ ... — Чтобъ быть
тебѣ безъ жала!

Съ досадой муха ей сказала:
Сокройся въ улей свой, валиха! иль молчи. —

О эгоисты — риѣмачи!

Я васъ не называю,
Но басню эту вамъ отъ сердца посвящаю.

Т р и Л ь в а.

Его величество, левъ сильный, царь звѣрей,
Скончался;

Народъ совѣтовать собрался,
Кого бѣ изъ трехъ его дѣтей
Признать наслѣдникомъ короны.

Меня! сынъ старшій говорилъ:

Я сдѣлаю народъ наперстникомъ Беллоны. —

А я обогащу, середній подхватилъ. —

А я бѣ его любилъ,

Сказалъ меньшей съ невиннымъ взоромъ: —

И путь же нареченъ владыкой всѣмъ соборомъ.

Мѣсяцъ.

Настала ночь, и скрылся образъ Феба.
 Утѣшьтеся! Мѣсяцъ говоритъ:
 Мой лучъ не менѣе горитъ.
 Смотрите: я взошелъ, и свѣтъ лию къ вамъ съ
 неба.
 Пусть переводчики дадутъ ему отвѣтъ:
 Какъ мѣсяцъ ни свѣти, но все не солнца свѣтъ.

Молтаніе Соловья.

Умолкъ соловушко! конечно, бѣдный боленъ,
 Или подругой недоволенъ,
 А можетъ и несчастливъ въ ней?
 Миѣ жалокъ онъ, сказалъ печально воробей; —
 Онъ жалокъ? Зяблица къ словамъ его пристала:
 Какъ мало въ сердцѣ ты читалъ!
 Я лучше отгадала:
 Любилъ онъ, такъ и пѣлъ; спалъ счастливъ,
 замолчалъ.

Дѣѣ Лисы.

~~~~~

Вчера, подслушалъ я, двѣ разныхъ свойствъ
лисицы

Такой имѣли разговоръ:

Ты ль эшо, кумушка! давно ли изъ столицы? —

Давно ль оставила я дворъ?

Съ недѣлю — Какъ же ты развѣлась, подоб-
рѣла!

Знашь при дворѣ у льва привольное житье? —

И очень! до сыта всего пила и ѣла. —

А въ чемъ тамъ ремесло главнѣйшее швое? —

Бездѣлица! съ утра до вечера таскашься,

Гдѣ такнуть, гдѣ польстить, предъ сильнымъ
унижаться,

И больше ничего — Какое ремесло! —

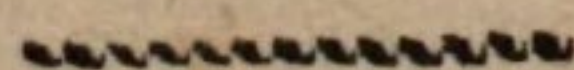
Однакожъ мнѣ оно довольно принесло:

Чинъ, мѣсто. — Горкій плодъ! чины не возвыша-
ютъ,

Когда ихъ подлости цѣною покупаютъ.

Супъ изъ костей.

О времена ! о времена !
Собака выходя изъ кухни горько-выла :
Прощайся и съ костями ! будь вѣчно голодна ,
И околѣй за то , что съ вѣрностью служила !
Вотъ дождались какихъ мы дней !
Безвременная смерть ! ужъ нѣтъ намъ и ко-
стей ! —
Да гдѣ жъ они ? вопросъ ей сдѣлала другая
Собака пожилая ,
Прикованна подлѣ воротъ. —
Въ котлѣ , да не для насъ , а для самихъ го-
сподъ ;
Какой-то выдумщикъ , злодѣй собачью роду ,
И вѣрно ужъ Французъ , пушилъ и кости въ
моду !
Онъ выдумалъ изъ нихъ дешевый супъ варить ,
И хочетъ имъ людей кормить ,
А намъ уже ни кости ! —
Я тресну съ голода и злости ! —
А мой совѣтъ , сказалъ на привязи мудрецъ :
Въ молчаніи терпѣшь , пока судьба сурова ;
Вѣрь , этотъ случай намъ не первый образецъ :
Большой всегда на щетъ меньшова .

Два Вѣра.

~~~~~

Въ гостиной на столѣ два вѣра лежали;
 Не знаю я, кому они принадлежали,
 А знаю, что одинъ былъ въ блескахъ, новъ,
 Другой изломанъ весь, и очень тѣмъ хваст-
 ливъ:

Чей вѣръ? онъ спросилъ сосѣда горделиво:
 Такой - то, тотъ ему отвѣтствуетъ учтиво.
 А я, онъ подхватилъ, красавицѣ служу,
 И какъ же ей служу! смори: нѣтъ кости цѣ-
 лой!

Лишь чуть къ ней подлеститъ молодчикъ сѣрѣчью
 смѣлой;

А я ево и хлопъ; короче, я скажу
 Безъ всякаго, повѣрь мнѣ, чванства
 И прочимъ не въ укоръ,
 Что каждый мой махоръ

Есть доказательство Вѣтрыны постоянства. —
 Не лучше ли ея кокетства и жеманства?
 Сосѣдъ ему сказалъ: Розалии моей
 Довольно бросить взглядъ, и всѣ учтивы къ
 ней.

—

Р у ж ь е и З а я ц ь .

Трусливыхъ наберешь не мало,
 Отъ скорохода до щенка;
 Но зайца никого трусливѣй не бывало.
 Увидя онъ ружье, которое лежало
 Въ ногахъ у спящаго стрѣлка,
 Такъ испугался,
 Что даже и бѣжать съ душою не собрался,
 А только сжался
 И уши на спину, моргая носомъ, ждетъ,
 Что въ мигъ ружье убьетъ.
 Проходитъ часъ, другой — перунъ еще не грянулъ;
 Часъ и еще — перунъ молчитъ,
 А заяцъ веселѣй глядитъ;
 Потомъ онъ ободрясь воспрянулъ,
 Бросаетъ любопытный взглядъ.
 Прыжокъ впередъ, прыжокъ назадъ,
 И наконецъ къ ружью подходитъ:
 Такъ это, говоритъ, на зайца страхъ наве-
 дитъ;
 Посмотримъ ближе... да оно,
 Какъ мертвое лежитъ, не говоритъ ни слова!
 А га! хозяинъ спитъ — такъ и ружье равно
 Безсильно, какъ лоза, безъ помощи друга.
 Сказавши это заяцъ мой
 Въ минушу сталъ и самъ герой:
 Храбрится, и ружье ужъ лапою толкаетъ. —

Ирочь, бѣдна тварь! Ружье молчанье прерываетъ:

Или не знаешь ты, что я лишѣ захочу,
Сей часъ тебя въ ничто за дерзость превращу?
Отъ грома моего и левъ побѣдоносный,
И кровожадный тигръ со шрепетомъ бѣгутъ;
Бѣги и ты, звѣрокъ несносный!

Иль молніи мои тебя сожгутъ. —

Не такъ-то строго!

Отъ зайца былъ ружью опивѣтъ:

Вѣдь нынѣ умудрился свѣтъ,

И между зайцами трусливыхъ ужъ немного.

Ты спрашно лишѣ въ рукахъ стрѣлка, а безъ
него

Ты ничего. —

Ничто и ты, законъ! подумаешь читатель,
Когда не бодрствуешь, но дремлешь председа-
тель.

Орелъ и Змѣя.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился отдохнуть на лугъ среди цвѣ-
товъ,
И встрѣтилъ тамъ змѣю, ползущую по праху.
Зависпливая тварь
Шипитъ, и на орла кидается съ размаху. —
Что жъ дѣлаетъ пернатыхъ царь?
Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу возле-
таетъ —
Такъ геній своему хулишело отмщаетъ.

Каретныя Лошади.

Двѣ лошади везли карету;
Оселъ, увидя ихъ, сказалъ :

“Съ какою завистью я вижу пару эту! —
Нѣтъ дня, чтобъ гдѣ нибудь ее — я не встрѣ-
чалъ;

Все вмѣстѣ: видно очень дружны!“ —
“Дуракъ, дуракъ! при всей длинѣ своихъ ушей!
Сказала въ слѣдъ ему одна изъ лошадей:
Ты только лишь глядишь на признаки наружны:
Диковина ль всегда въ упряжкѣ быть одной,
А розно жить душой?

Увы! не намъ чета, живущъ на насъ похоже!“ —
Вчера мнѣ Хлоинъ мужъ шепнулъ въ собраньи
то же.

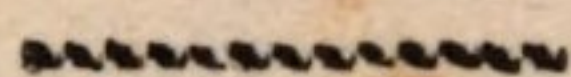
Амуръ , Гименъ и Смерть.

~~~~~

Амуръ , Гименъ со Смертью строгой
 Когда-то шли одной дорогой
 Изъ свѣта по своимъ домамъ ,
 И вздумалось молодцамъ
 Втащить старуху въ разговоры. —
 Признайся , говорятъ , ты , Смерть , не рада
 намъ ;
 Ты ненавидишь насъ ! — Я ? вытараща взоры
 Спросила Смерть ихъ : да за что ? —
 Ну , какъ за что ! за то ,
 Что мы въ намѣреньяхъ согласны не бываемъ :
 Ты все моришь , а мы раждаемъ. —
 Пустое , братцы ! Смерть сказала имъ въ оп-
 вѣтъ :
 Я зла на васъ ? ... перекреститесь !
 Людьми снабжая свѣтъ ,
 Вы для меня жь трудитесь.

Часовая Стрѣлка.

“Кто равенъ мнѣ? солдатъ, любовникъ, сочи-
нишель,
И сторожъ и министръ, и олшарей служи-
тель,
И докторъ, и больной, и самый государь —
Всѣ чувствуютъ, что я важнѣй, чѣмъ кален-
дарь!

Я всякому изъ нихъ минуты означаю,
Дѣлю и день и ночь, я время измѣряю!“

Такъ видя, на нее зѣвующій народъ,

Хвалилась стрѣлка часовая,

Межъ тѣмъ, какъ бѣдная пружина продолжая
Невидимый свой путь, давала стрѣлкѣ ходъ!

Пружина секретарь, а стрѣлка между нами...

Но вы умны; смекайте сами.

Человѣкъ и Эхо.

Ругатель, клеветникъ на Эхо былъ сердитъ,
За чемъ, кого онъ ни поноситъ,
О комъ ни говоритъ,
Оно вездѣ разноситъ.

Чтобъ громъ пришибъ, кричалъ въ досадѣ кле-
ветникъ:

У Эха злой языкъ!

Возможно ли? скажи ты слово:

Уже оно тотчасъ готово
За мною повторитъ

И новыхъ на меня враговъ вооружитъ.

Теперь ни въ клеветѣ, ни въ брани нѣтъ успѣха!

Никто не слушаетъ меня, и все отъ Эха! —

Напрасно ты меня винишь

Съ усмѣшкой Эхо возразило:

Не хочешь ты, чтобъ я слова твои твердило
За чемъ же говоришь?

Смерть и Умирающій.

~~~~~

Одинъ охотникъ жить, не старѣе ста лѣтъ,
 Предъ смертію дрожитъ и вопитъ,
 За чѣмъ она его шорошитъ
 Въ располхъ оставитъ свѣтъ,
 Не давъ ему свершить, какъ водится, духовной,
 Не предвара его хоть за годъ напередъ,
 Что онъ умретъ.

Увы! онъ говоритъ, а я лишь въ подмосковной
 Палаты заложилъ; хотя бы ихъ докласъ!
 Дай винокуренный заводъ мой мнѣ поправитъ,
 И правнуковъ женишь! а шамъ . . . твоя ужъ
 власть!
 Готовъ перекрестясь я бѣлый свѣтъ оста-
 вить —

“Неблагодарный! смерть отвѣтствуетъ ему:
 Пускай другіе мрутъ въ весеннемъ жизни цвѣтѣ;
 Тебѣ бы одному

Не умирать на свѣтѣ! !

Найдешь ли двухъ въ Москвѣ, десятка даже
 нѣтъ

Во всей имперіи, дожившихъ до ста лѣтъ.
 Ты думаешь, что я должна бы приготовитьъ
 За ранѣ тебя къ свиданію со мной:
 Тогда бы ты успѣлъ красивый домъ достроить,
 Духовную свершить, заводъ поправить свой,
 И правнуковъ женишь; а развѣ мало было
 Навѣтокъ отъ меня? не ты ли посѣдѣлъ?

Не ты ли сталъ ходить , глядѣть и слышать
 хило ?
 Потомъ пропалъ твой вкусъ , желудокъ осла-
 бѣлъ ,
 Увянулъ цвѣтъ ума, и память прищупилась ,
 Годъ ошѣ году хладѣла кровь ;
 Въ день ясный средѣ цвѣтовъ душа твоя поми-
 лась ,
 И ты оплакивалъ и дружбу и любовь.
 Съ которыхъ лѣтъ уже повсюду поражаетъ
 Тебя печальна вѣсть : томъ сверстникъ уми-
 раетъ ,
 Томъ умеръ , этотъ занемогъ
 И на одрѣ мученья ?
 Какого жъ болѣе хотѣлъ ты извѣщенья ?
 Короче : я уже ступила на порогъ :
 Забудь и горе и веселье ;
 Исполни мой уставъ ! —
 Сказала , и старикъ не думавъ , не гадавъ
 И не достроя домъ , попалъ на новоселье ! !
 Смерть права : во сто лѣтъ отсрочки поздно
 ждаться ;
 Да какъ бы въ старости спрашиваться уми-
 рать ?
 Доживъ до позднихъ дней , мнѣ кажется , изъ
 міра
 Такъ должно выходить , къ кѣ гостѣ отходящѣ
 съ пира ,
 Отдавъ за хлѣбъ и соль хозяину поклонъ.
 Пуши не миновать , кѣ чему жъ послужитъ
 спонъ ?
 Ты сѣтуешь , старикъ ! взгляни на ратно
 поле :
 Взгляни на юношей , на этотъ милый цвѣтъ ,

Которые летятъ на смерть по доброй волѣ
 На смерть прекрасную, сомнѣнія въ томъ нѣтъ:
 На смерть похвальную, вездѣ превозносиму,
 Но часто тяжкую при томъ неизбѣжиму!
 Да что! я для глухихъ обѣдню вздумалъ пѣть:
 Полмертвый пуще всѣхъ боится умереть!

Лебедь и Гагары.

За то, что лебедь такъ и бѣлъ и величавъ,
 Гагары на него изъ зависти напали,
 И крылья шиной замаравъ,
 Вкругъ лебедя тѣснясь, нарочно отряхали,
 И брызгами его марали;
 Но лебедю вреда не сдѣлали онѣ:
 Онъ въ воду погрузился,
 И въ прежней бѣлизнѣ
 Съ величествомъ явился.
 Гагары въ прозѣ и въ стихахъ!
 Возишесь, какъ хотите,
 Но право, истинный талантъ не помрачите:
 Удѣлъ его: сіять въ вѣкахъ.

К а л и ф ъ.

Противъ Калифова огромнаго дворца
Стояла хижина безъ кровли, безъ крыльца,
Издавна ветхая и близкая къ паденью;
Едвадь приличная и самому смиренью.
Согбенный старостью ремесленикъ въ ней
жилъ;

Однако онъ еще по мѣрѣ силъ трудился,
Работой рукъ жену бездѣшную кормилъ;
Ни злыхъ, ни совѣспи ни мало не спрашивалъ,
И тихимъ вечеромъ своимъ доволенъ былъ.

Но хужиной его Визирь спалъ недоволенъ:
Терпимъ ли, онъ своимъ разчитывалъ умомъ,
Видъ бѣдности передъ дворцомъ?
Но развѣ государь сломать ее не воленъ?
Подамъ ему докладъ, и хижинѣ не быть.
На этомъ разѣ Визирь обманутъ былъ въ на-
деждѣ:

Докладъ подписанъ такъ: “быть по сему, но
прежде

Строенье ветхое купить.”

Послали Кадія съ сосѣдомъ торговаться;
Кладутъ предъ нимъ на столъ съ червонными мѣ-
шокъ —

“Мнѣ въ деньгахъ нужды нѣтъ, сказалъ имъ про-
спачокъ:

А съ домомъ ни за что не можно мнѣ раз-
статься:

Я въ немъ родился, въ немъ скончался мой
отецъ,
Хочу, чтобъ въ немъ же Богъ послалъ и мнѣ
конецъ.

Калифъ конечно самовластенъ,
И каждый подданный къ нему подобостра-
стенъ;

Онъ можетъ при моихъ глазахъ
Развѣять въ мигъ... гнѣздо мое, какъ прахъ;
Но чтожъ послѣдуетъ? несчастнымъ слезы въ
пищу:

Я всякой день приду къ родиму пепелищу;
Возсяду на кирпичъ съ поникшей головой
Небеснаго подъ кровомъ свода,
И буду предъ опцомъ народа
Оплакивать мой жребій злой.“

Отвѣтъ былъ Визирю до слова пересказанъ,
А потѣ спѣшилъ объ немъ Калифу донести:
Тебѣ ли, государь, отказъ такой снести?
Ужель останется рабъ дерзской не наказанъ?
Калифу говорилъ Визирь на единѣ.

Да! отвѣчалъ Калифъ, отвѣтъ угоденъ мнѣ;
И я тебѣ повелѣваю

Впредь помня навсегда, что въ правдѣ нѣтъ
вины,

Исправить хижину на щетѣ моей казны.

Я съ нею только жить въ потомкахъ уповаю;
Да скажетъ имъ дворецъ: такой - то пышно
жилъ;

А эта хижина: онъ правосуденъ былъ.

Левъ и Комаръ.

Прочь ты, подлѣйшій гадъ, навоза порожденье!

Левъ гордый комару сказалъ:

Помише! отвѣчалъ комаръ ему, я малъ,

Но самъ не меньше гордъ, и не снесу презрѣнья:

Ты царь звѣрей,

Согласенъ;

Но мнѣ ни мало не ужасенъ:

Я и быкомъ верчу, а онъ тебя сильнѣй.

Сказалъ, и ставъ трубачъ жужжитъ повѣстку
къ бою;

Потомъ съ розмашкою, приличною герою,

Вспряхнуся, полетѣлъ, и въ шею льву впился:

У льва глазъ кровью налился,

Изъ пасты пена бьетъ; зубами онъ скреже-
щетъ,

Реветъ, и все во кругъ уходитъ и трепещетъ!

Отъ комара всеобщій страхъ!!

Онъ въ тысяча мѣстахъ

И въ гриву, и въ бока, и въ брюхо льва ку-
саетъ,

И даже въ глубь ноздри влетаетъ!

Тогда несчастный левъ въ страданьи выше
силъ,

Какъ бѣшеный вокругъ чреслъ хвостомъ своимъ
забилъ,

И началъ грызть себя, потомъ... лишившись
мочи

Упалъ, и грозныя на вѣкъ смыкаетъ очи.

Крылатый богатырь путь пуще зажуужалъ,
И всюду разглашать о подвигахъ помчался;
Но скоро самъ попалъ

Въ засаду къ пауку, и съ жизнію разстался.
Увы! кто свой предѣлъ чиняетъ на рукѣ?
Зіяють хляби, живъ, . . . и гибнешь въ ру-
чейкѣ!

Довольныль правиломъ? не то, такъ вотъ
другое:

Опасенъ всякой врагъ, малѣйшій часто вдвое.

Котъ, Ласточка и Кроликъ.

Случилось кролику отъ дома оплутиться,
Иль лучше: онъ пошелъ Аврорѣ поклониться
На тѣминѣ, вспрыснутомъ росой.

Здоровѣ, спокоенѣ и на волѣ,
Попрыгавѣ, пощипавѣ муравки свѣжей въ полѣ,
Приходитѣ кроличекѣ домой,
И что же? чуть его не подкосились ноги!
Онѣ видитѣ: ласточка разспавливаетѣ тамѣ
Своихѣ Пенатовѣ по угламѣ!

Во снѣ ли я, иль нѣтъ? страннопріимны боги!
Изгнанникѣ возопилѣ
Изъ отческаго дома.

Что надобно? вопросѣ хозяйки новой былѣ:
Чтобѣ ты, сударыня, безѣ грома
Скорѣй отсюда вонѣ, ей кроликѣ отвѣчалѣ,
Пока я всѣхѣ мышей на помочѣ не призывалѣ! —
Мнѣ выйши вонѣ? она вскричала, вотѣ пре-
красно!

Да что за право самовластно?
Кто далѣ тебѣ его? и стоить ли войны
Нора, въ которую и самѣ ползкомѣ ты входишь?
Но пусть и царство будѣ; не всѣ ль мы здѣсь
равны?

И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
Что Богѣ, создавши свѣтъ, его размежевалѣ?
Богѣ создалѣ ласточку, себя и дромадера,
А землемѣра
Отнюдѣ не создавалѣ.

Кто жъ болѣ права далъ на эту десятину
 Петрушкѣ кролику, племяннику, иль сыну
 Филаша, Фефела, чемъ Карпу, или мнѣ?
 Пустое, братъ! земля всѣмъ служитъ на
 равнѣ;
 Ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала;
 Ты вышелъ, я пришла: моею норка спала. —
 Петрѣ кроликѣ приводилъ въ доводъ
 Обычай, давность — ихъ закономъ,
 Онъ утверждалъ, введенъ въ владѣнiе нашъ родъ
 Безпорно, этимъ домоу,
 Который кроликомъ Софрономъ
 Отказанъ, справленъ былъ за сына своего,
 Ивана кролика; по смерти же его
 Достался въ силу права
 Тожъ сычу, именно мнѣ кролику Петру;
 Но естли думаешь, что вру,
 Такъ отдадимъ себя на судъ мы Крысодава —
 А эпомъ Крысодавъ, сказать безъ многихъ
 словъ,
 Былъ постный, жирный котъ, мужъ святъ
 изъ всѣхъ кошовъ;
 Пустынчикъ набожный средь свѣта,
 И въ казусныхъ дѣлахъ оракулъ для совѣта. —
 Съ охотой! ласточка сказала: — и попомъ
 Пошли они къ кошу; приходятъ, бьютъ че-
 ломъ,
 И оба говорятъ: “помилуй!” — “разсуди-
 те!” . . . —
 Поближе, дѣтущки! ихъ перервалъ судья;
 Не слышу я,
 Отъ старости сталъ глухъ; поближе подой-
 дите. —
 Они подвинулись, и вновь ему поклонъ,
 А онъ

Вдругъ обѣ лапы врознь, царапѣ того, другова
И въ мигъ ихъ примирилъ
Не вымолвя ни слова:
Задавилъ.

Не то же ль иногда бываетъ съ корольками,
Когда они въ своихъ дѣлишкахъ по землямъ
Не могутъ примириться сами,
А прибѣгаютъ къ королямъ?

С М Ъ С Ъ.

С М Ъ С Ъ.

Филемонъ и Бавкида.

(Съ Лафоншенова подражанія Овидію).

Ни злато, ни чины ко счастью не ведутъ :
 Что въ нихъ, когда со мной заботы вѣкъ жи-
 вутъ ?
 Когда духъ зависти несчастнымъ овладѣя ,
 Терзаетъ грудь его , какъ вранъ у Проміея ?
 Ахъ, это сущій адъ ! гдѣ жъ счастье , на-
 нецъ ?
 Въ укромной хижинѣ : живущій въ ней мудрецъ
 Укрытъ отъ грозъ и бурь , спокоенъ духомъ,
 воленъ,
 Не алча лишняго ; и тѣмъ , что есть , дово-
 ленъ ,
 Захочетъ ли за лугъ , за тѣнь своихъ лѣсовъ ,
 Тѣнь только счастья купить временщиковъ ?
 Нѣтъ ! суетный ихъ блескъ его не обольщаетъ :
 Онъ ясно на челѣ спрадальцевъ сихъ читаетъ ,

Что даромъ не даетъ фортуна ничего.
 Придетъ ли къ цѣли онъ течения своего?
 Смерть въ ужасъ и тоску души его не вводитъ;
 То солнце послѣ дня прекраснаго заходитъ.

Примѣромъ въ этомъ намъ послужишь Филе-
 монъ:

Съ Бавкидой съ юныхъ лѣтъ соединился онъ;
 Ни время, ни Гименъ любви ихъ не гасили;
 Четыредесять жаживъ они вдвоемъ ходили
 За всѣмъ въ своемъ быту, безъ помощи дру-
 гихъ.

Все старишся: остылъ любовный жаръ и въ
 нихъ;

Однако въ нѣжности любовь не ослабла,
 И въ чувствахъ дружества продлить себя
 умѣла.

Но добрыхъ много ли? развратъ ихъ земляковъ
 Подвигнулъ, наконецъ, на гнѣвъ царя боговъ;
 Юпитеръ сходитъ къ нимъ съ своимъ крыла-
 тымъ сыномъ —

Не съ громомъ, не въ лучахъ, а такъ, просто-
 людимомъ,

Подъ видомъ странника. — И что жъ? вездѣ
 отказъ,

Вездѣ имъ говорятъ: “намъ тѣсно и безъ васъ;

Сступайте далѣе!” — Отринутые боги

Пошли уже назадъ, какъ въ лѣвѣ отъ дороги,

Надъ свѣплымъ ручейкомъ, орѣшника въ тѣни,

Узрѣли хижину смиренную они,

И повернули къ ней. Меркурій постучался:

Въ минуту на крыльцѣ хозяинъ появился;

“Добро пожаловать! сказалъ имъ Филемонъ:

Вы утрудились, дорожнымъ нуженъ сонъ;

Ночуйте у меня, повечеря съ нами;

Спознайтесь съ нашими домашними богами ;
Они скудельные , но къ смертному добры .
У предковъ былъ и самъ Юпитеръ изъ коры ,
Но менѣе ль тогда они въ привольѣ жили ?
Увы ! теперь его изъ золота мы слили ,
А онъ уже не такъ доступенъ спалъ для
насъ !

Бавкида ! шамъ вода , согрѣй ее потчасъ ;
Поставимъ хлѣбъ и соль ; мы скудны , но
усердны ;

Дай все , что боги намъ послали милосердны ! —

Бавкида хворосту сухаго набрала ,
Потомъ погасшій огонь въ горнушкѣ разгребла ,
И силился раздуть . Вода уже вскипаетъ ;
Хозяинъ пунниковъ усталыхъ обмываетъ ,
Прося за медленность его не осудить ;
А чтобъ до ужина имъ время сократить ,
Заводитъ съ ними рѣчь не объ любимцахъ
счастья ,

Не объ вліяніи и блескѣ самовластья :

Но лишь о томъ , что есть невиннаго въ по-
ляхъ ,

Что есть полезнаго и лучшаго въ садахъ .

Бавкида между тѣмъ трапезой поспѣшаетъ ;
Сполъ вѣтхій черепкомъ сосуда подпираетъ ;
Разскидываетъ платъ , кидаетъ горсть цвѣ-
товъ ,

И ставитъ хлѣбъ , млеко и нѣсколько плодовъ ;
Потомъ худый коверъ , который сберегала
На случай праздниковъ , по ложу разостлала ,
И проситъ на него возлечь своихъ гостей ;
Уже они среди привѣтливыхъ рѣчей ,
За вечерей виномъ усталость подкрѣпляютъ ;
Но сколько ни пьютъ , вина не убавляютъ !

Бавкида, Филемонъ недвижимы стоятъ,
Со изумленьемъ другъ на друга мещутъ взглядъ,
И оба въ трепетъ предъ путниками пали —
По чудодѣйствію легко они познали
Того, кто вздыметъ бровь и зыблетъ своѣ
небесъ! —

О боже! Филемонъ дрожащій гласъ вознесъ:
Прости невольнаго минути заблужденья!
И могъ ли смертный ждать такого посѣщенья?
О гость божественный! гдѣ взять намъ еиміамъ?
Прилична ль наша снѣдь, толь скудная богамъ?
Но чемъ и самый царь ихъ угостишь достойно?
Простымъ усердіемъ: вотъ все, что намъ при-
стойно!

Пусть море и земля имъ пиршество дадутъ:
Всесильные ему даръ сердца предпочтутъ.
Бавкида съ рѣчью сей бесѣду оставляетъ,
И идетъ въ огородъ: тамъ перелезъ гуляетъ,
Котораго сама взлелѣяла она;
Признаніемъ къ богамъ и вѣрою полна,
Уже она его на жертву имъ готовишь,
Уже дрожащими руками пшичку ловишь;
Но пшичка отъ нее ушла къ снопамъ боговъ,
И милосердый Дій невинной далъ покровъ.

Межъ тѣмъ вечерня тѣнь съ горъ пала на
долины;
“Чета! иди за мной, сказалъ отецъ судьбины:
Сей часъ, свершится судъ: на родину твою
Ресъ гнѣва моего фіалъ я пролію,
И смерти все предамъ! пусть злые погибаютъ:
Ни хижинъ, ни сердецъ они не отверзаютъ.”
Безсмертный рекъ, и горъ къ хребтамъ напра-
вилъ путь;
И вѣтръ, предвѣстникъ бурь, отовсюду началъ
душъ;

Бавкида, Филемонъ на посохъ опираясь,
Подъ тяжкой древностью прясаясь и задыхаясь,
Едва, едва идущъ, но съ помощью боговъ
И страха взобрались на ближній изъ хреб-
товъ:

Вдругъ сонмы грозныхъ тучъ подъ ними разра-
зились,
И съ шумомъ рѣки водъ безъ отдыха пусти-
лись;

Валъ гонитъ валъ, и мчитъ все, что ни попа-
детъ:

Скотъ, кущи и людей... исчезли! слѣда
нѣтъ.

Бавкида родинѣ вздохъ сердца посвящаетъ,
И взоромъ, полнымъ слезъ, у бога вопрошаетъ:
“Пусть люди... но почто животныхъ онъ каз-
нитъ?”

Но чудо новое внезапно ихъ разитъ:

Явился пышный храмъ, гдѣ куща ихъ стояла:
Обмазка мраморомъ, солома златомъ стала,
И тяжкіе столпы по всѣмъ ея бокамъ
Въ минуту вознесли главы ко облакамъ!

Внутри храма былъ вездѣ представленъ на пор-
фирѣ,
Въ страхъ будущимъ вѣкамъ сей дивный случай
въ мірѣ

Невидимо ваялъ все это божій перстъ.

Супруги мнятъ, что имъ Олимпъ уже от-
верстъ!

Въ смятеніи, внѣ себя, на все кругомъзира-
ютъ —

“Богъ, велій въ благости! попомъ они вѣща-
ютъ:

Мы видимъ храмъ, но кто служители ему?
Кто будетъ возносить къ престолу твоему

Молишвы пунниковъ? О, естѣли бы мы оба
Могли сподобиться въ семъ званьи быть до
гроба!

Ахъ! естѣли бы при томъ и Геній смерти
насъ

Коснулся обоихъ въ одинъ и тотъ же часъ,
Чтобъ мы другъ по другъ шоски не испыта-
ли!“—

“Да будетъ такъ, сказалъ имъ богъ, какъ вы же-
дали!“

И было такъ. Теперь дерзну ль повѣдать вамъ
О томъ, чему едва могу повѣришь самъ?
Въ день нѣкій пунники въ оградѣ сей божницы
Съ благоговѣніемъ стояли вокругъ двоицы,
И слушали ее о бывшихъ чудесахъ:

“Издревле, Филемонъ вѣщалъ имъ, въ сихъ мѣ-
стахъ

Была вѣсь грѣшниковъ, жилище нечестивыхъ;
Но Дій не потерпѣлъ сихъ изверговъ кичливыхъ:
Онъ рекъ, насталъ потоцъ, и всѣхъ ихъ потре-
билъ.

Остались только мы, — такъ богъ благово-
лилъ!“

Тутъ Филемонъ взглянулъ на крошкующую супругу,
И что? уже она, простерши руки къ другу,
Вся измѣняется, пріемлетъ древа видъ!

Онъ хочетъ ей сказать, обнявъ ее спѣшитъ:
Нѣтъ силъ поднять руки, уста его нѣмѣютъ;
Супруга и супругъ равно деревенѣютъ;
Пускаютъ отрасли, готовятся цвѣсти;

Другъ другу говорятъ лишь мыслию: прости!
Одинъ предѣлъ и срокъ власть божья имъ по-
слала:

Мужъ праведный сталъ дубъ, Бавкида липой
стала,

И зрители всѣ въ разѣ воскликнувѣ : чудеса !
Вѣ молчаньи набожномѣ глядяшѣ на небеса.

Преданіе гласитѣ, что къ симѣ древамѣ свя-
щеннымѣ,
Подѣ тяжестью даровѣ безчисленныхѣ согбен-
нымѣ,
Супруги на поклонѣ шекли изѣ дальныхѣ
спранѣ
По слуху, что имѣ дарѣ чудотворенья данѣ;
И тѣ, которые къ нимѣ съ вѣрой приходили,
Вѣ цвѣту и вѣ зиму дней другѣ друга вѣкъ лю-
били.

Л ю д ь м и л а .

И д и л л і я .

С т а р и к ъ .

Кого мнѣ Богъ послалъ среди уединенья?

П а с т у ш к а .

Я , дѣдушка , со стороны ;
Иду до ближняго селенья
На праздникъ красныя весны.

С т а р и к ъ .

Чего же ищешь ты подъ тѣнію кусточковъ ?

П а с т у ш к а .

Богатой ленты нѣтъ , такъ я ищу цвѣточковъ ,
Чтобъ свить себѣ вѣнокъ и скрасить мой нарядъ :
Тамъ есть красавица Людмила , говорятъ .

Старикъ.

Но знаешь ли, гдѣ ты, соперница Людмилы?

Пастушка.

Не вѣдаю...

Старикъ.

Ты рвешь цвѣты... съ ея могилы.

С т а н с ы.

Я счастливъ былъ во дни невинности безпечной,
 Когда мнѣ богъ любви и въ мысль не прихо-
 дилъ;
 О возрастъ дѣтскихъ лѣтъ! по что ты былъ
 не вѣчной?

Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни волшебствъ, очаро-
 ваній,
 Когда любовью свѣтъ и красенъ лишь и милъ:
 Дождуся ли опять шоль сладостныхъ меч-
 таній?

Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни надежды, увѣренья,
 Когда Кларисы взглядъ меня животворилъ:
 Одни желанія ужъ были наслажденья!

Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни восторговъ непре-
рывныхъ,
И сердцу милыхъ бурь! какъ я тогда любилъ! —
Увы! тогда не пѣлъ я въ пѣсняхъ заунывныхъ.

Я счастливъ былъ.

Люблю и Любилъ.

~~~~~

Люблю — есть жизнью наслаждаться,
Возможнымъ щастьемъ упиваться,
Всѣхъ чувствъ въ обвороженьи быть.
Любилъ же значить: лодно жить!
Яснѣе : испытать собою,
Что клятвы — словъ какихъ-то звонъ;
Что нѣжность — хитросплетенію,
Невинность — маска ; счастье — сонъ!

П ѣ с е н к а.

~~~~~

Все ли, милая пастушка !
Все ли бабочкой порхашь ?
Узы сердца не игрушка :
Тяжело ихъ разрывать.

Ахъ ! по мнѣ и въ чужѣ больно ,
Видѣть горестъ пастушка !
Любишь милое невольно ;
Любишь прямо — не слегка !

Будь въ любовной ты наукѣ
Ученицею моею :
Я съ Филлидой и въ разлукѣ ;
А она мнѣ всѣхъ милѣй !

Старинная Любовь

Баллада.

Какъ мило жили въ старину !
Бывало, въ перемахъ высокихъ,
Въ кругу красавицъ черноокихъ
Пѣвцы поюшъ любовь, войну,
Любви и храбрости побѣды :
Но мы не такъ живемъ, какъ дѣды !
И пѣнье смолкло въ перемахъ.

Дай для красавицъ я спою,
Какъ въ старину пѣвцы любили.
Бывало, и меня хвалили !
Напомнимъ молодость свою.
Жилъ былъ когда - то вождь великой
Съ своею дочкой Милоликой
Во бѣлокаменной Москвѣ.

Бояра, Вишязи, Князья
Вкругъ Милолики увивались ;
Но тщетно щастіемъ ласкались :
Никто не могъ пронуть ея !

Никто, кромѣ пѣвца млада!
Она таилась — онъ ни слова;
Но у любви есть свой языкъ.

Пѣвецъ вседневно по ушрамъ,
Подъ тѣнію густой березы,
Пѣлъ о любви своей сквозь слезы,
Бряцая лиры по струнамъ;
Душа изъ устъ его лѣтѣла! —
Онъ пѣлъ, а Милолика млѣла,
И воздыхала у окна.

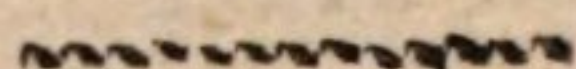
Узналъ о страсти ихъ отецъ,
И гордость въ немъ воспрепечала;
“Позоръ ты мой, не дочь мнѣ стала;
О стыдъ! кто милъ тебѣ?... Пѣвецъ!”
Сказалъ, и въ перемъ запираетъ.
Дочь только въ мысляхъ отвѣчаетъ:
Что знашность? сердцу всѣ равны.

Она подъ стражей, а пѣвецъ
И день и ночь на томной лирѣ
Бряцаетъ: “нѣтъ мнѣ щастья въ мірѣ!
Насталъ отрадамъ всѣмъ конецъ!
Увижусь ли еще я съ милой?
Внемли, о небо! вопль унылой:
Отдай ее, иль смерть пошли!”

Поетъ онъ день, поетъ другой,
 На третій — утренне свѣтило
 Несчастну жертву озарило;
 Отецъ низводитъ дочь съ собой;
 Она — едва на трупъ взглянула,
 Увы! . . . въ послѣдній разъ вздохнула.
 Красавицы! пѣснь эша былъ.

Меланхоликъ. *

Романсѣ.

Какъ сынъ проклятїя, скишаюсь
Издавна я по всѣмъ странамъ;
Уйти отъ горести стараюсь;
Но горестъ всюду по слѣдамъ.
Увы! лишъ вспомню страсть несчастну...
Прости мой умъ! прости покой!
Я вижу фурію ужасну!
Бѣгу ее — она за мной.

Всю молодость провелъ въ сненаньи;
Соспарѣлся, а все влачу
Любови цѣпь въ поскѣ, въ изгнаньи,
И тщетно смерти я хочу!
“Ступай далеко! мнѣ сказали:
Тамъ знаютъ жалость.” — Чтожъ? и тамъ
Безумца лишъ во мнѣ искали,
Смѣялись бѣднаго слезамъ!

* Этотъ Романсѣ есть подражаніе Французскому.

О дѣти счастья! грѣхъ смѣяться:
 Я безъ ума, но я вашъ братъ;
 Что мы предвидимъ? можетъ спастся,
 Несчастнѣй будете стократъ.
 Страшитесь любви опасной,
 И пожалѣйте вы о томъ,
 Кто розою плѣнясь прекрасной,
 Ахъ! уязвленъ ея шипомъ.

Надписи къ Амуру.

I.

Открытъ, какъ истина, безъ крылъ, какъ по-
стоянство;
Оружіе его въ невинности одной;
Дитя, но всѣхъ сердца онъ бралъ въ свое поддан-
ство —
Таковъ былъ, говорятъ, сынъ Лады въ вѣкъ
злашій:
Гдѣжъ нынѣ онъ? увы! намъ это не извѣстно:
Мы только чтимъ его, и ищемъ повсемѣстно.

II.

Ктобъ ни былъ ты, пади предъ нимъ!
Былъ, есть, иль долженъ быть владыкой онъ
твоимъ.

Эпиграмма.

I.

Петру Дмитриевичу Еролкину,
бывшему Московскому Градоначальнику.

Здѣсь добрый Еролкинъ, свершивъ свой жизни
кругъ,
На время опочилъ, какъ солнце лучезарно;
Быть можетъ, нѣкогда потомство благодарно
Воздвигнетъobeliskъ во мзду его заслугъ;
Быть можетъ! между тѣмъ смиренный Музъ лю-
битель
Приноситъ въ дань ему, что въ силахъ: только
стихъ;
Москва! онъ говоритъ, се твой второй спаси-
тель! *
Москва! Римъ древній живъ... въ герояхъ лишь
своихъ.

* Надѣюсь, что всѣмъ читателямъ моимъ памя-
тенъ патріотическій подвигъ его, при случаѣ воз-
мущенія Московской черни въ 1771 году.

II.

Не дрогнетъ начертать на камиѣ семъ рѣ-
 зецъ:
 Здѣсь прахъ смиренныя жены, опщедшей къ
 Богу;
 Свѣтъ суешный обѣ ней забудетъ, наконецъ;
 Но бѣдный и сюда откроетъ къ ней дорогу,
 И теплую слезу въ уплашу принесетъ:
 Плоть гибнетъ, но добро изъ рода въ родъ жи-
 веть.

III.

Матери и Сыну.

Здѣсь мать двухъ близнецовъ почила въ цвѣтѣ
 дней;
 Одинъ на часть отцу, другой оставленъ ей.

Путешествіе.

Начать до свѣта путь и ощупью ийти,
 На каждомъ шагѣ спотыкаться,
 Къ полднямъ уже за треть дороги перебраться;
 Тутъ съ бурей и грозой бороться на пути,
 Но льстить себя вдали какою-то мечтою;
 Опомнясь подъ вечеръ вздохнуть,
 Искать пристанища къ покою,
 Найти его, прилѣчь, и наконецъ уснуть...
 Читатели! загадки въ модѣ:
 Хошите ль ключъ къ моей имбѣ?
 Все это значитъ въ переводѣ:
 Родиться, жить и умереть.

Къ Пріятелю,

который по сходству двухъ разлитныхъ
фамилій, часто принималъ одну вмѣсто
другой.

~~~~~

Два разныя, мой другъ, прозванья ты мѣша-
ешь

Людей, которые не сходствуютъ ни въ чемъ;

И такъ, когда ты ихъ не знаешь,

То я тебѣ скажу о томъ и о другомъ:

Одинъ пріятный былъ писатель,

Другой — едвали и читатель;

Одинъ стихи, другой лишь вексели писалъ;

Тотъ въ Панову свирѣль, а эшотъ въ банкъ иг-
ралъ.

~~~~~

Эпиграмы.

I.

Кто какъ ни говори, а Нина безподобна!
Прелестна — въ сторону, но какъ она умна!
Съ какимъ познаньемъ, какъ скромна!
Какъ горлинка незлобна!
Какая добра мать! какъ любитъ всѣхъ друзей! —
И мужа? — Ну . . . онъ сносенъ ей.

II.

Поэтъ Оргонъ, хваля жену свою не въ мѣру,
Въ стихахъ своихъ ее съ Венерою сравнялъ —
Безъ умысла женѣ онъ сдѣлалъ мадригалъ,
И эпиграму на Венеру!

III.

Что легче перышка ? — Вода , я отвѣчаю.
 — А легче и воды ? — Ну , воздухъ — Добрый
 знакъ !
 А легче и его ? — Кокешка. — Точно такъ !
 А легче и ее ? — Не знаю.

IV.

Какъ! Риѣминъ живъ еще и тѣломъ и душой?
 А я уже сказалъ : ему и намъ покой !

Н а д г р о б і я.

I.

У вы! здѣсь погребенѣ мой милый попугай.
Гдѣ красота , и гдѣ дарѣ слова ?
Прохожій говорунѣ! вздохни обѣ немѣ, и знай :
Онѣ сѣ лишкомѣ говорилѣ, но не во вредѣ дру-
гова.

II.

Подѣ хладной кочкой сей Вралева хладный
прахѣ. —
Богѣ сѣ нимѣ! онѣ былѣ и самѣ такѣ холоденѣ
въ списахѣ!

III.

Полвѣка станѣ его возили въ сей юдолѣ —
И только ? — А чего жѣ вамѣ болѣ?

VI.

Прехожій , стой ! во фрунтъ ! скинь шляпу ,
и чишай :
Я воинъ , граматы не зналъ за недосугомъ —
На право кругомъ !
Ступай !

На слугай

полученія отъ неизвѣстной особы
вышитого на канвѣ Генія.

~~~~~

Нечаянный, мнѣ даръ цѣлю сѣнѣжнымъ чув-
ствомъ ;

Онъ сердцу лестнѣе лавроваго вѣнца.

Кто жъ та, которая руки своей искусствомъ

Почтила . . . въ старости счастливаго пѣвца ?

Не знаю, остаюсь среди недоумѣній !

Такъ будь же отъ меня ей имя : добрый Геній.

Къ

Гавріилу Романовицу

Державину *

Бардъ безвѣстный ! тебя ль не узнаю ?
Орлѣ издавна знакомъ мнѣ полетъ.
Я не въ опчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
Въ жилищѣ суешъ.

Тщешно поэту искать вдохновеній
Тамо, гдѣ враны глушатъ соловьевъ;
Тщешно въ дубравахъ здѣсь бродитъ мой Геній
Близъ свѣтлыхъ ручьевъ.

* Это былъ отвѣтъ на стихи, присланные въ
Вѣстникъ Европы. Почтенный авторъ ихъ, не
подписавшій своего имени, думалъ, что я въ де-
ревнѣ, и лѣнялъ мнѣ за мою лѣность.

Тамо встрѣчаетъ на каждомъ онъ шагѣ
Рдяныхъ Сашировъ * и Вакховыхъ жрицъ,
Скачущихъ съ воплемъ и плескомъ въ опвагѣ
Вкругъ древнихъ гробницъ.

Гулъ ихъ *Эвое* ** несется вдоль рощи,
Тонитъ пернатыхъ скрываться въ кустахъ;
Даже далече наводитъ средь ночи
На путника страхъ.

* Здѣсь описаны Цыганы и Цыганки, которые
во все лѣто промышляютъ въ Марьиной рощѣ
лѣснями и пляскою. Для тѣхъ, кои не жили
въ Москвѣ, можно прибавить, что въ этой рощѣ
было кладбище для иностранныхъ. Теперь же
надгробные камни служатъ гуляющимъ вмѣсто
столовъ и стульевъ.

** *Эвое* или *Эванъ* былъ употребительный при-
лѣвъ Вакханокъ, при отправленіи ихъ Оргій.
Это примѣчаніе для дѣтей, незнающихъ еще
Мифологіи.

О пѣснопѣвецъ! одинъ ты способенъ
 Пѣшь и подъ шумомъ сердитыхъ валовъ,
 Какъ и при нивѣ — себѣ лишъ подобенъ —
 Языкомъ боговъ.

Р а з м ы ш л е н і е

п о с л у г а ю г р о м а .

Гремитъ ! . . . благоговѣй , сынъ персти !
 Се *Ветхій* деньми съ небеси,
 Изъ крошкой, благотворной длани
 Перуны сѣетъ по земли. —
 Всесильный ! съ трепетомъ младенца
 Цѣлую я священный край
 Твоей молніецвѣтной ризы ,
 И . . . исчезаю предъ тобой!

Что человекъ ? паритъ ли къ солнцу,
 Смирено ль идетъ по земли :
 Увы ! тамъ умъ его блуждаетъ ,
 А здѣсь стопы его скользятъ !
 Подъ мракомъ , въ Окіанъ жизни
 Пловецъ на утлой ладѣ ,
 Отдавши руль слѣпому року ,
 Онъ спитъ — и мчится на скалу !

Ты дхнешь, и двигнешь Окіаны;
Речешь, и вспяшь они текутъ;
А мы одной волной подъяты,
Одной волной поглощены.
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью твоей,
Едва минутное мечтанье,
Лучь блѣдный утренней зари.

Вольный переводъ

изъ

Г о р а ц і я.

Ода третія изъ первой книги.

Лети, корабль, въ свой путь съ Виргиліемъ
моимъ;
Да сохраняшъ тебя свѣтилы благошворны:
И Поллуксъ и Касторъ; и потъ, кому по-
корны
Всѣ вѣтры на водахъ; и та, котору чтимъ
Богиней красоты, всѣхъ радостей душою!
Лети! и принеси безвредно по волнамъ
Ты друга моего къ Апшическимъ брегамъ:
Дражайшу часть меня я опустилъ съ тобою!

Конечно твердою, дубовою корой,
Тройнымъ булажомъ грудь была вооруженна,
Того, въ комъ перва мысль родилась дерзно-
венна:

Невѣрной поручить стихіи жребій свой !
 Ни дожденосныя, зловѣщія Гіады,
 Ни Африканскій вѣтрѣ, ни бурный Аквилонѣ,
     Ни Нотѣ, не знающій пощады,
     Не сдѣлали ему препонѣ —
 И что они ? какой родѣ смерти былѣ ужасенѣ
 Тому, чей смѣлый взорѣ былѣ не подвиженѣ,
     ясенѣ,
 Когда зіяла хлябѣ, горой вздымался валѣ,
     Изѣ волнѣ чудовища скакали,
     И стрѣлы молній обвивали
 Верхи Эпирскихѣ грозныхѣ скалъ ?

Такѣ втуне отѣ небесѣ народы раздѣленны,
 Обширныя моря вѣ предѣлѣ имѣ положены !
 Аѳетовѣ дерзскій сынѣ все смѣетѣ одолѣть :
 Хотѣлѣ, и могѣ сіи пространства преле-
     тѣть ;
 Хотѣлѣ, и святость всѣхѣ законовѣ наруша-
     етѣ,
 И даже огонь сѣ небесѣ коварно похищаетѣ.
 О святошашство ! сколь твой гибеленѣ былѣ
     слабѣ !
 По свѣту Окіанѣ разлился новыхѣ бѣдѣ,
 И неизбежна смерть, но медленна дошолѣ,
 Удвоила свой шагѣ и всѣхѣ разитѣ по волѣ !
 Но только ли ? Дедалѣ, родившійся безѣ
     крилѣ,
 Отважно къ солнцу воспарилѣ ;

Геркулъ потрясѣ предѣломъ ада!

Гдѣ нашей дерзости преграда?

Мы въ буйствѣ даже въ брань вступаемъ съ
божествомъ,

И Діевъ никогда не отдыхаетъ громъ.

О д а п е р в а я

изъ третъей книги.

Служитель Музъ, хочу я истины воспѣть
Въ стихахъ, неслыханныхъ до нынѣ:
Фебъ движетъ — прочь, враги святынѣ!
А вы, о юноши! . . . внимать, благоговѣть.

Царямъ подвластенъ міръ, Цари подвластны Богу,
Тому, кто съ облачныхъ высотъ
Тигантамъ въ адъ отверзъ дорогу,
Кто маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ.

Владѣй по всей земли ты рудами златыми;
А ты народовъ будь опцомъ;
Хвались ты предками своими;
А вы талантами, геройствомъ и умомъ.

Умрете всѣ! законъ судьбины непреложенъ:
Ктобъ ни былъ — малъ, или великъ,
Предъ смертью всякъ равно ничтоженъ;
Въ сосудъ роковомъ нѣтъ жребіямъ отликъ!

За царскою ль себя трапезой насыщаетъ ,
 Пернатымъ внемлетъ ли весной ,
 Ко сну ль главу на пухъ склоняетъ :
 Злодѣй всегда зрѣтъ мечъ висящій надъ собой.

Сонъ сладкій только данъ орашамъ въ от-
 раду ;
 Онъ любитъ ихъ смиренный кровъ ,
 Тѣнистой рощицы прохладу ,
 Цвѣты и злакъ долинъ , журчанье ручейковъ.

Пусть грозный Окіанъ клокочетъ подъ ва-
 лами ,
 Пусть буря черными крилами
 При блескѣ молній возшумитъ ;
 Мудрецъ на брань стихій спокойно съ берега
 зрѣтъ.

Одинъ громадами стѣсняетъ рыбъ, и давитъ ;
 Казною пропасти бушитъ ,
 И на зыбяхъ черноги ставитъ ;
 Но гдѣ онъ отъ заботъ, печали буденъ скрытъ?

Безумецъ ! ты бѣжишь отъ совѣсти напрасно :
 Тиранъ твой сердца въ глубинѣ ;
 Она съ тобою повсечасно
 Летитъ на корабль, и скачетъ на конѣ.

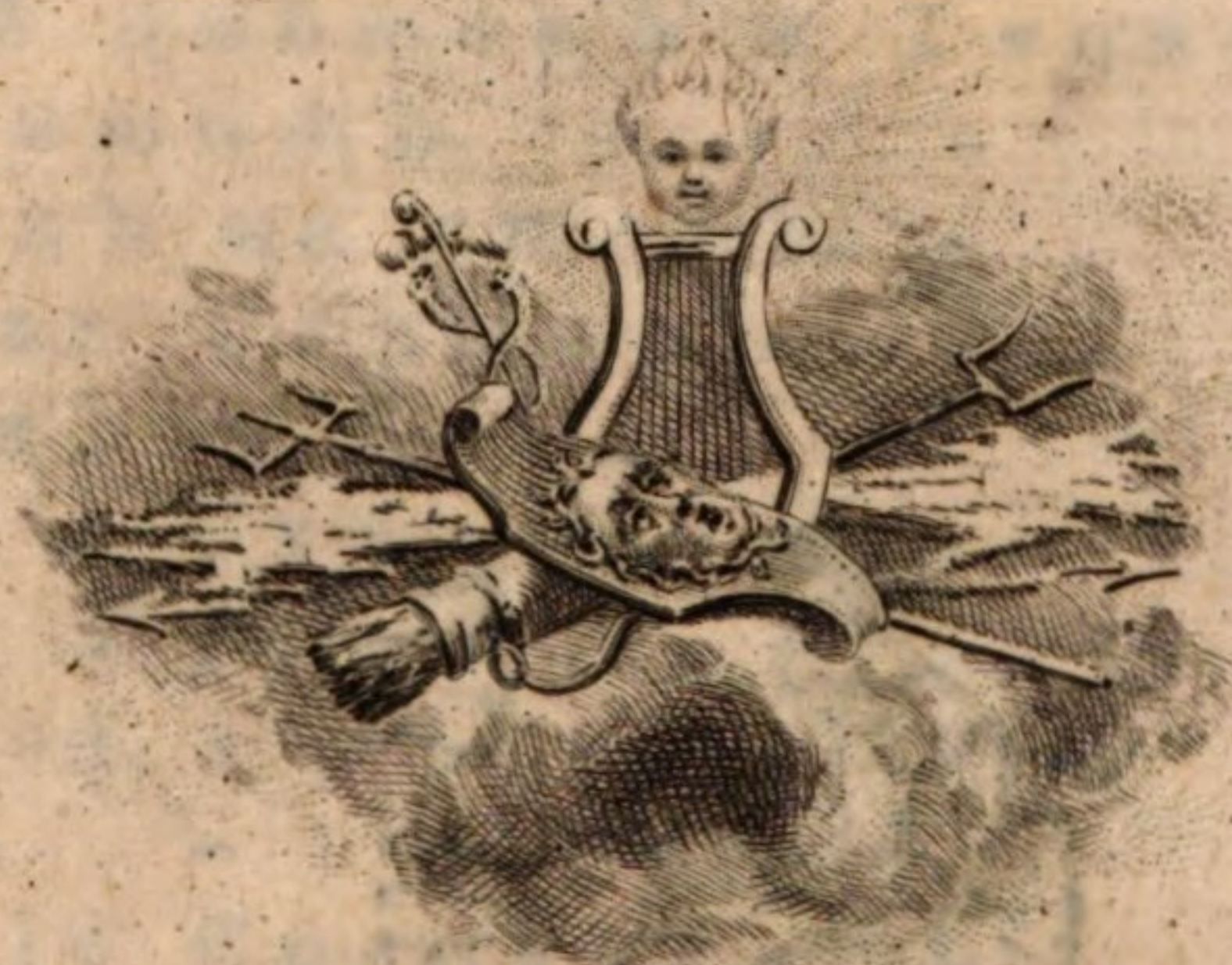
Чшожъ пурпуръ , ароматъ и мраморы Фри-
 гійски ?

Къ чему Фалернское вино ?
 По что возноситъ мнѣobeliski ,
 Когда спокойствія намъ съ ними не дано ?

Нѣтъ! злату не бывать души моей кумиромъ;
Мои желанья : скромно жить
Не съ завистью , съ сердечнымъ миромъ ,
И счастье въ уголку Сабинскомъ находить.

К о н е ц ъ .

ИЗ КНИГ

А.В. КОЖУРОВА

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

Продолженіе Басенъ.

	Стран.
Мудрецъ и Поселянинъ.	7
Муха.	10
Лиса проповѣдница.	11
Оселъ и Кабанъ.	13
Слѣпецъ и Разслабленный.	14
Отецъ съ Сыномъ.	16
Полевой цвѣшокъ и Гвоздика.	17
Донъ Кишотъ.	—
Мальчикъ на столѣ.	20
Разбитая Скрыпка.	—
Человѣкъ и Конь.	21
Грусть и Скука.	23
Пчела и Муха.	—
Три Льва.	25
Мѣсяцъ.	26
Молчаніе Соловья.	—
Двѣ Лисы.	27
Супъ изъ костей.	28
Два Вѣра.	29
Ружье и Заяцъ.	30
Орелъ и Змѣя.	32
Карешныя Лошади.	33
Амуръ, Гименъ и Смерть.	34
Часовая Спрѣлка.	35
Человѣкъ и Эхо.	36
Смерть и Умирающій.	37

С о д е р ж а н і е

	Стран.
Лебедь и Гагары. - -	40
Калифъ. - -	41
Левъ и Комаръ. - -	43
Котъ, Ласточка и Кроликъ.	44

С м ѣ с ь.

Филемонъ и Бавкида. -	51
Людмила. Идилія. -	58
Шансы. - -	60
Люблю и Любилъ. -	61
Пѣсенка. - -	62
Старинная Любовь. Баллада.	64
Меланхоликъ. Романсъ. -	67

Надписи: къ Амуру.

I. - - - - -	69
II. - - - - -	—

Эпитафіи.

I. Пешру Дмишріевичу Еропкину.	70
II. *** - - - - -	71
III. Матери и Сыну. - -	—

Путешествіе. - - -	72
Къ пріятелю. - - -	73

Эпиграмы.

I. - - - - -	74
II. - - - - -	—
III. - - - - -	75
IV. - - - - -	—

Трешіей Часпи.

Стран.

Надгробія.

I.	-	-	-	-	-	76
II.	-	-	-	-	-	—
III.	-	-	-	-	-	—
IV.	-	-	-	-	-	77

На полученіе вышитого по кан-
вѣ Генія. - - - 78

Къ Гавріилу Романовичу Держа-
вину. - - - 79

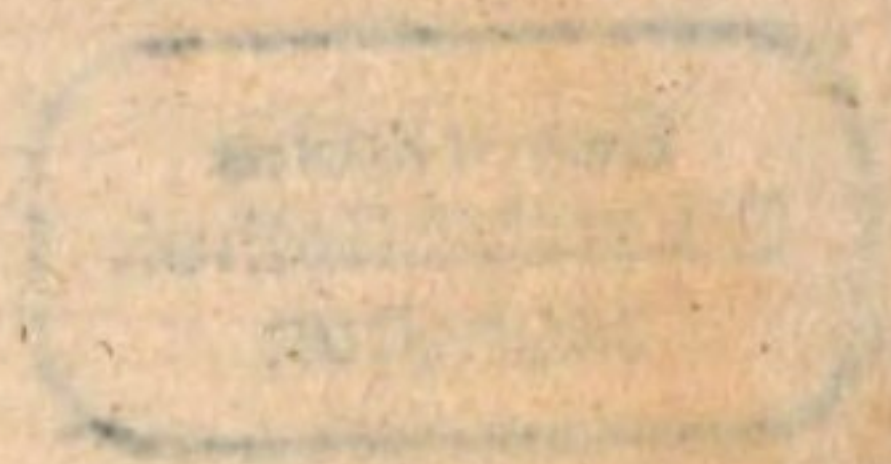
Размышленіе по случаю грома. 82

Вольный переводъ двухъ Одъ
изъ Горация. - - -

Ода шрешія изъ Первой книги. 84

Ода первая изъ Третьей книги. 87

Спран. Спр. Налетатано

Читай.

8	—	26	—	Зинона	Зенона
—	—	27	—	Пифагорова	Пифагоровымъ
28	—	23	—	вѣрь,	вѣдь,
47	—	1	—	другова	другова,
—	—	2	—	примирилъ	примирилъ,
55	—	4	—	и страха	и страха,
—	—	26	—	въ міръ	въ міръ:
61	—	4	—	заунывныхъ.	заунывныхъ:
82	—	15	—	Окіанъ	Океанъ
85	—	26	—	Окіанъ	Океанъ

Список. Число. Нормативы

8	—	30	—	Завод
—	—	30	—	Постройка
25	—	30	—	Завод
47	—	1	—	Завод
—	—	2	—	Завод
25	—	4	—	Завод
—	—	30	—	Завод
51	—	4	—	Завод
52	—	12	—	Завод
54	—	25	—	Завод

Завод	—
Постройка	—
Завод	—
Завод	—
Завод	—
Завод	—
Завод	—
Завод	—
Завод	—
Завод	—
Завод	—
Завод	—
Завод	—
Завод	—

Dmitriev, Ivan I.,

Sočinenija i perevody

Bd.: 3 (1805)

Moskva 1805

P.o.russ. 144 d-1/3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610237-6